

Дегтяренко К. А. Игровые возможности фразеологизмов (на материале книги рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста») / К. А. Дегтяренко, Е. В. Курицкая // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 53—63. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-53-63.

Degtyarenko, K. A., Kuritskaya, E. V. (2017). Game Potential of Idioms (on Material of Book by Yu. Buyda "Prussian Bride"). *Nauchnyy dialog*, 11: 53-63. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-53-63. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:82-3+821.161.1Буйда.08
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-53-63

Игровые возможности фразеологизмов (на материале книги рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»)

© Дегтяренко Ксения Андреевна (2017), orcid.org/0000-0003-0058-650X, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», филиал в г. Калининграде (Калининград, Россия), kseniya.degtyarenko@gmail.com.

© Курицкая Елена Владимировна (2017), orcid.org/0000-0002-5820-9662, кандидат военных наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», филиал в г. Калининграде (Калининград, Россия), e.kuritskaya@yandex.ru.

Рассматривается способ семантического преобразования фразеологических единиц, представленный в книге Ю. Буйды приемом буквализации. Игровой прием буквализации состоит в восстановлении исходного, прямого значения лексем, составляющих фразеологическую единицу. Это достигается при помощи введения в контекст рассказа буквализирующей развертки, указывающей на реалию. Выявлено, что многозначность, порождаемая столкновением в одном контексте двух смыслов одного словосочетания (прямого и фразеологически связанного), является источником языковой игры и часто провоцирует создание комического эффекта. У Ю. Буйды в роли буквализирующей развертки используется слово или словосочетание, связанное с фразеологической единицей тематически, ассоциативно, а также синонимическими или антонимическими отношениями. В произведениях писателя рассматриваемый прием иллюстрируют не только способ обновления семантики фразеологических единиц, но и обладает проективной текстопорождающей функцией. На его основе автор выстраивает сюжетные линии многих рассказов, которые игровым образом переплетаются, что создает определенные сложности при выявлении как самого приема, так и его игрового потенциала. В работе показано, что

в большинстве случаев для восстановления логической связи между фразеологизмом и буквализирующей разверткой требуется активизация фоновых знаний и совершение ряда мыслительных операций. В основу анализа положены следующие параметры ввода буквализирующей развертки: ее эксплицитность / имплицитность, отдаленность буквализирующей развертки от фразеологизма, последовательность ее ввода (в препозиции или постпозиции) и способ репрезентации буквализирующей развертки.

Ключевые слова: фразеологизм; языковая игра; каламбур; семантическая трансформация фразеологизмов; комический эффект.

1. Введение. Постановка проблемы

Фразеологизмы активно используются в качестве источника языковой игры как в разговорной речи, так и в художественной литературе [Земская, 1983, с. 213—214]. Как отмечают многие исследователи, актуализация игровых потенций фразеологических единиц наблюдается при преобразовании (или трансформации) их семантических или / и структурных признаков, что приводит к тому, что одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически целостное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически разложимое [Бабкин, 1970; Шмелев, 1977; Береговская, 1985; Земская, 1983; Мокиенко, 1990; Лукьянов, 1993; Шанский, 1996; Проблемы ..., 1996]. Для обозначения этого языкового приема используется ряд терминов, таких как *фразеологические дериваты, речевой окказионализм, деформационные модификации, авторские инновации, модернизация, разрушение фразеологических сцеплений, речевое (окказиональное) преобразование, контекстуальное преобразование, фразеологический неологизм, индивидуально-авторская трансформация, варьирование, разложение фразеологизма, актуализация внутренней формы фразеологизма, двулановость устойчивого словосочетания, синтез двух значений* и др. [Вакуров, 1994, с. 40—47]. Вслед за В. Н. Вакуровым и В. З. Санниковым мы считаем, что семантически (в том числе структурно-семантически) преобразованные фразеологизмы по своей сути являются фразеологическими каламбурами [Вакуров, 1994; Санников, 2002]. На наш взгляд, термин *каламбур*, под которым понимается словесная шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте разных значений одного слова или словосочетания [Санников, 2002, с. 490], наиболее точно характеризует прием языковой игры, построенный на столкновении двух смыслов одного словосочетания — фразеологически связанного (переносного) и свободного (прямого), одновременно реализуемых при наличии двух контекстов: каждый актуализирует «свое» значение [Вакуров, 1994]. По сути, с понятием каламбура совпадает узкое понимание языковой игры как словесной шутки, построенной на многозначности.

Многозначность, которая возникает при использовании приема фразеологического каламбура, является источником языковой игры. По словам В. З. Санникова, многозначность появляется «не в самом перелицованном тексте (он однозначен!), а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу» [Санников, 2002, с. 508].

В художественном мире Ю. Буйды прием каламбурного обыгрывания фразеологизмов характеризуется сложной и многослойной игрой смыслов, мотивированных внутритекстовыми и межтекстовыми связями. Игровое взаимодействие фразеологизма (как его исходного, так и вторичного значения) с текстом реализуется на разных уровнях, начиная с фонетического и заканчивая сюжетно-композиционным. При этом образуется единое игровое поле, в котором словесная игра, шутка «перетекает» в игровую технику структурирования художественного пространства текста. В. Набоков, которого считают непревзойденным мастером языковой игры и чью прозу характеризуют как «мир игровых трансформаций и царство игры» [Рахимкулова, 2003, с. 257], писал: «...серьезная словесная игра, как я ее понимаю, не имеет ничего общего ни с игрой случая, ни с заурядным стилистическим украшательством» [Рахимкулова, 2003, с. 257]. Сказанное в полной мере приложимо к использованию приема языковой игры у Ю. Буйды.

2. Способы преобразования фразеологизмов

В рассказах Ю. Буйды используется широкий диапазон авторских приемов преобразования фразеологизмов, которые можно объединить в две группы: приемы семантического и структурно-семантического преобразования. Семантическое преобразование фразеологизма возникает за счет взаимодействия фразеологизма с контекстом, при этом традиционный лексический состав и структура фразеологизма остаются без изменений. При структурно-семантическом типе преобразования изменения в семантике фразеологизма могут также происходить в результате различных структурных трансформаций самого фразеологизма.

Объектом настоящего исследования является способ семантического преобразования, представленный в книге Ю. Буйды приемом буквализации. Прием буквализации построен на обыгрывании такой особенности фразеологизмов, как целостность значения. Как известно, слова в составе большинства фразеологизмов теряют свою смысловую самостоятельность, поэтому их прямое значение не осознается носителями языка. Прием буквализации состоит в восстановлении исходного, прямого значения лексем, составляющих фразеологическую единицу. Это достигается при

помощи введения в контекст рассказа буквализирующей развертки, указывающей на реалию [Москвин, 2007, с. 91—99].

В основу анализа приема буквализации фразеологизмов у Ю. Буйды нами положены следующие параметры ввода буквализирующей развертки:

- 1) эксплицитность — имплицитность;
- 2) дистантность — близость, или отдаленность буквализирующей развертки от фразеологизма;
- 3) последовательность ввода, или расположение буквализирующей развертки относительно фразеологизма (в препозиции или постпозиции);
- 4) способ репрезентации буквализирующей развертки. Анализ позволил выделить следующие типы связи фразеологизма с буквализирующей разверткой: использование синонимичной / антонимичной лексемы; использование лексемы, принадлежащей к общему лексико-семантическому полю. Также выявлены случаи, когда буквализирующая развертка фразеологизма не имеет лексической репрезентации, а выводится при соположении с более широким контекстом и посредством реконструкции фоновых знаний.

3. Языковая игра, основанная на синонимии

Рассмотрим тип ввода буквализирующей развертки, когда она является синонимичной прямому значению одного из лексических компонентов фразеологизма. В рассказе «Черт и аптекарь» черт, превратив аптекаря в кентавра, «что было силы, *врезал* [ему] башмаком», после чего «с возмущенным воплем молодой человек вылетел на улицу и только на мостовой оценил главное преимущество четвероногих — повышенную устойчивость к *ударам судьбы*» [Буйда, 1998, с. 63]. Функцию развертки генетивной метафоры *удар судьбы* выполняет лексема *врезал*, связанная с фразеологизмом близостью семантики. Восстановлению связи способствует их нахождение в легко обозримом фрагменте текста — в пределах одного абзаца, где развертка предшествует введению тропа. Развертка изначально задает тему, поэтому при появлении идиомы *удар судьбы*, «живой» образ которой еще тесно связан со своей деривационной основой, происходит мгновенное соположение фразеологизма с введенным ранее глаголом *врезал*. В результате фразеологизм начинает одновременно реализовывать переносное (фразеологически связанное) значение ‘тяжелая неприятность, потрясение’ [Ожегов, 1985, с. 716] и прямое (свободное) значение. Игровое сосуществование двух планов — переносного и буквального — является основой комического эффекта.

Метафора *удар судьбы* и ее развертка *врезал* обладают огромной проективной силой. Они служат целям дальнейшего разворачивания сюжета. Дело в том, что в конце рассказа кентавр умирает. При этом его «безжалост-

но *бьют* палкой» [Буйда, 1998, с. 63]. «Внезапно изнывающий под тяжестью седоков кентавр почувствовал, как переломившийся пополам хребет *ударил* в низ брюха, и из пробойны в дорожную грязь хлынули, как змеи из мешка, влажные сизые кишки. Кентавр упал» [Буйда, 1998, с. 67]. Кентавра бьют палкой, что можно рассматривать как скрытую буквализирующую развертку для метафоры *удар судьбы*. Кентавра бьют по хребту, и в результате хребет переламывается и пробивает живот, располагающийся внизу: «хребет *ударил* в низ брюха». Лексема *ударил* также является скрытой буквализирующей разверткой для идиомы *удар судьбы*. В рассмотренном случае фразеологизм разворачивается до сложной и многослойной смысловой игры, выявляемой при обращении к внутритекстовым и межтекстовым связям.

4. Реализация языковой игры на основе принадлежности фразеологизма и буквализирующей развертки к общему лексико-семантическому полю

В качестве буквализирующей развертки фразеологизма может быть использована лексема, принадлежащая к общему с фразеологизмом лексико-семантическому полю. В рассказе «Тема быка, тема льва» говорится, что Андрею по прозвищу *Фотограф* (это его профессия) удалось запечатлеть на пленку Богиню, «самую красивую в мире женщину, восседающую на белом быке»: «*не моргнув глазом, Фотограф* запросил по двадцать пять рублей за снимок» [Буйда, 1998, с. 54]. В качестве буквализирующей развертки идиомы *не моргнув глазом* автором используется слово *фотограф*, непосредственно примыкающее к идиоме. Несмотря на это, для выявления приема требуется ряд логических операций, так как одновременное восприятие номинации реалии и фразеологизма не является залогом мгновенного восстановления связи между ними. Имплицитность обусловлена тем, что семантически мотивированная связь значений компонентов идиомы *не моргнув глазом* не ощущается носителем языка: значение сочетания ‘долго не раздумывая’ [Ожегов, 1985, с. 310] не связано с семантикой составляющих компонентов *моргать* и *глаз*, употребленных в прямом значении. Следовательно, усложняется процесс выявления развертки, которая, кроме этого, не имеет в данном случае прямого указания на связь с идиомой, а восстанавливается косвенным образом через лексему *фотограф* — при актуализации в сознании реципиента фрагмента профессионального лексикона фотографа: «Не моргайте», где лексема *моргать* используется в своем буквальном значении ‘непроизвольно опускать и поднимать веки’ [Ожегов, 1985, с. 310]. При восстановлении ассоциативного фона реалии *фотограф* и вычленении глагола *моргать* совершается отсылка к задан-

ной ранее идиоме *не моргнув глазом* с тем же лексическим компонентом *моргать*, но употребленным в переносном значении. Результатом авторской языковой игры, основанной на имплицитном столкновении двух единиц одного лексико-семантического поля, является объединение под одной «оболочкой» тропа двух разных смыслов — переносного и прямого, одновременная актуализация которых вызывает создание комического эффекта.

5. Языковая игра, основанная на антонимии

Буквализирующая развертка может быть репрезентирована лексемой, вступающей с фразеологической единицей в антонимические отношения. В рассказе «Аллес» Феня из Красной столовой решила *вывести* главного героя, Аллеса, «*на чистую воду*». Она вышла от него уже через десять минут и «рухнула могучим бюстом в лужу» [Буйда, 1998, с. 22—23]. В контексте рассказа завуалированы две развертки, с которыми фразеологизм *вывести на чистую воду* вступает в антонимические отношения. Первая репрезентирована лексемой *лужа*. Ее выявление происходит при активизации фоновой информации, что лужа представляет собой, как правило, водоем с *грязной водой*. Данная ассоциация дает толчок к вычленению в составе фразеологизма *вывести на чистую воду* зависимого компонента с антонимическим значением *чистая вода*. Одновременно при соположении лексемы *лужа* с контекстом ее использования (Феня упала в лужу) происходит восстановление фразеологизма *сесть в лужу* — с тем же лексическим компонентом *лужа* и значением ‘потерпеть неудачу, оказаться в глупом положении’. Каламбурное сосуществование прямого значения ‘оказаться в луже’ и переносного смысла словосочетания является основой создания комического эффекта.

6. Языковая игра на основе реконструкции ассоциативных фоновых знаний

Реконструкция ассоциативных фоновых знаний и обращение к более широкому контексту позволяет выявить вторую буквализирующую развертку фразеологизма *вывести на чистую воду*, не имеющую лексической репрезентации. В тексте рассказа «Аллес» содержится имплицитное указание на связь Аллеса, которого и собирались *вывести на чистую воду*, с чертом: появление этого субъекта в городке привело к пропаже всех «пишущих машинок, у которых отсутствовали литеры «ч», «р» и «т» [Буйда, 1998, с. 24]. Лексема *черт*, ассоциативно выводимая благодаря сложению букв «ч», «р» и «т», актуализирует лексико-семантическое поле «*Нечистая сила*»; актуализируемый им смысл и образует антонимическую пару с лексическим

компонентом фразеологизма *чистая вода*. В результате их соположения фразеологизм *вывести на чистую воду* одновременно реализует как свое переносное значение ‘раскрыть чьи-н. тёмные дела’, так и прямое, исходное значение, связанное со знахарскими «выведениями на чистой воде» образа человека, совершившего зло [Мелерович и др., 2001, с. 105].

В следующем случае буквализирующая развертка тоже не имеет лексической репрезентации, поэтому для ее выявления требуется привлечение фоновых знаний. В рассказе «Черт и аптекарь» петухи лишились способности петь: утро «наступило при *гробовом петушином молчании*» [Буйда, 1998, с. 61]. При актуализации фрагмента мифопоэтической картины мира, согласно которой петух своим пением пробуждает и вызывает солнце [Афанасьев, 1994, с. 263], утро наступает без солнечного *света* в полной тьме. В словарях современного русского языка у слова *свет* выделяются два омонимичных значения, которые возникли в результате разрыва в семантике между двумя значениями многозначного слова. Первое значение, которое и актуализируется в цитируемом выше пассаже, — это ‘лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым’ [Ожегов, 1985, с. 609]. Второе значение слова *свет* — ‘Земля, Вселенная, а также люди, ее населяющие’ [Ожегов, 1985, с. 609] — выявляется далее в контексте рассказа через три страницы. Старуха по прозвищу Синдбад Мореход «бросилась на базар, потом по магазинам, сея смуту в наших сердцах и умах невразумительными предсказаниями *конца света* со ссылкой на власть, то есть на Кальсоныча, будто бы получившего достоверное известие о грядущем *Армагеддоне* с приложением точного маршрута следования в Иосафатскую долину, где и состоится заседание Страшного Суда» [Буйда, 1998, с. 64]. В качестве буквализирующей развертки фразеологизма *конец света* можно рассматривать дистанцированный, введенный ранее текстовый фрагмент, где неявно присутствует указание на отсутствие *света* (= лучистой энергии). Сначала происходит прекращение света (= лучистой энергии), а позже ожидается конец света (= Армагеддон). Именно в такой последовательности и описывается наступление Армагеддона, Страшного Суда в Библии, где говорится, что фоном Страшного Суда служит космическая катастрофа, знаменующая конец мира: солнце и луна меркнут, звезды спадают с неба, само небо свертывается, как свиток (Мф. 24:29 и Откр. 6:12—14) [Аверинцев, 2006, с. 203—204]. В тексте рассказа реализация значения, связанного с освещенностью, развертывается до значения ‘конец мира’, актуализируя библейскую картину Страшного Суда, Армагеддона.

Таким образом, в рассмотренном случае не имеющая лексической репрезентации буквализирующая развертка выводится косвенным образом

при активизации механизмов ассоциативного мышления и реконструкции фоновых знаний. Выявление лексически неоформленной дистанцированной развертки и ее соположение с семантически связанной на глубинном уровне идиомой *конец света* осложняется стертой образностью метафоры. В современном русском языке смысловая зависимость у слова *свет* в значении 'мир' от значения 'lux' практически не ощущается. В тексте Ю. Буйды восстанавливается былое единство, тождество разведенных впоследствии значений.

7. Выводы

Итак, подводя итог, отметим, что семантический приём буквализации построен на экспликации, или обнажении, прямого значения одного из лексических компонентов фразеологической единицы при помощи ввода в контекст рассказов буквализирующей развертки, которая может быть репрезентирована единицами синонимического, антонимического ряда или общего с фразеологизмом лексико-семантического поля, а также присутствовать ассоциативно на уровне подтекста. Во всех рассмотренных случаях актуализация первичного, несвязанного значения фразеологизма порождает игровую неоднозначность, построенную на каламбурном сосуществовании фразеологизма и свободного сочетания слов. Способность языковой единицы иметь более одной интерпретации часто создает основу комического.

Рассмотренный нами прием создания каламбурной многозначности фразеологизмов иллюстрирует не только способ обновления семантики фразеологических единиц, но и обладает проективной текстопорождающей функцией. На его основе автор выстраивает сюжетные линии многих рассказов, которые игровым образом переплетаются. Прием растворяется в тексте, что создает определенные сложности при выявлении как самого приема, так и его игрового потенциала. В большинстве случаев для восстановления логической связи между фразеологизмом и буквализирующей разверткой требуется активизация фоновых знаний и совершение ряда мыслительных операций.

Источники

1. Буйда Ю. Прусская невеста / Ю. Буйда. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 320 с.

Литература

1. Аверинцев С. София-Логос : словарь / С. Аверинцев. — Киев : Дух и литера, 2006. — 912 с.

2. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев. — Москва : Индрик, 1994. — 801 с.
3. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1970. — 261 с.
4. *Береговская Э. М.* Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. — 1985. — № 5. — С. 59—67.
5. *Вакуров В. Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. — 1994. — № 6. — С. 40—47.
6. *Земская Е. А.* Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — Москва : Наука ; Флинта, 1983. — С. 172—214.
7. *Лукьянов С. А.* О классификации зевгматических конструкций / С. А. Лукьянов // Филологические науки. — 1993. — № 1. — С. 70—79.
8. *Мелерович А. М.* Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — Москва : Русские словари ; Астрель, 2001. — 855 с.
9. *Мокиенко В. М.* Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1990. — 160 с.
10. *Москвин В. П.* Русская метафора. Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. — Москва : ЛКИ, 2007. — 182 с.
11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1985. — 796 с.
12. *Проблемы фразеологической семантики* / С. С. Волков [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. — 172 с.
13. *Рахимкулова Г. Ф.* Олакрез Нарцисса : проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры / Г. Ф. Рахимкулова. — Ростов на Дону : Издательство Ростовского университета, 2003. — 320 с.
14. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
15. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского литературного языка / Н. М. Шанский. — Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. — 192 с.
16. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. — Москва : Просвещение, 1977. — 335 с.

Game Potential of Idioms (on Material of Book by Yu. Buyda “Prussian Bride”)

© **Degtyarenko Kseniya Andreyevna (2017)**, orcid.org/0000-0003-0058-650X, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Military educational and scientific centre of the Navy N. G. Kuznetsov Naval Academy, Kaliningrad branch (Kaliningrad, Russia), kseniya.degtyarenko@gmail.com

© **Kuritskaya Elena Vladimirovna (2017)**, orcid.org/0000-0002-5820-9662, PhD in Military Sciences, associate professor, Department of Foreign Languages, Military educational

and scientific centre of the Navy N. G. Kuznetsov Naval Academy, Kaliningrad branch (Kaliningrad, Russia), e.kuritskaya@yandex.ru.

A method of semantic transformation of phraseological units is considered, which was presented in the book by Yu. Buyda as literalism. Game technique of literalism is restoring the original, direct meaning of the lexemes constituting a phraseological unit. This is achieved by introducing in the context of the story the literal deploying, pointing to the reality. It is revealed that the polysemy arising from the clash within the context of two meanings of a single phrase (literal and idiomatic) is a source of word play, and often provokes the creation of comic effect. As a literal deploying Yu. Buyda uses the word or phrase linked with a phraseological unit thematically, associatively and by synonymic or antonymic relations. In the writer's works considered technique illustrates not only the method of updating the semantics of phraseological units, but also has a projective text function. On its basis, the author builds the storyline in many stories that the game intertwined, which creates certain difficulties in identifying both the technique and its gaming potential. It is shown that in most cases, to restore the logical link between the idiom and literal deploying the activation of background knowledge and committing a number of mental operations is required. The analysis is based on the following parameters of literal deploying input: its explicitness / implication, the remoteness of literal deploying from the idiom, the sequence of its input (in a preposition or postposition) and the way of representation of literal deploying.

Key words: idiom; word play; pun; semantic transformation of phraseological units; comic effect.

Material resources

Buyda, Yu. 1998. *Prusskaya nevesta*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

References

- Afanasyev, A. N. 1994. *Poeticheskiye vozvreniya slavyan na prirodu. 3/1*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Averintsev, S. 2006. *Sofiya-Logos: slovar'*. Kiyev: Dukh i litera. (In Russ.).
- Babkin, A. M. 1970. *Russkaya frazeologiya, ee razvitiye i istochniki*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. 1985. Problemy issledovaniya zevgmy kak ritoricheskoy figury. *Voprosy yazykoznaniya*, 5: 59—67. (In Russ.).
- Lukyanov, S. A. 1993. O klassifikatsii zevgmaticeskikh konstruksiy. *Filologicheskiye nauki*, 1: 70—79. (In Russ.).
- Melerovich, A. M., Mokiyeenko, V. M. 2001. *Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'*. Moskva: Russkiye slovari; Astrel'. (In Russ.).
- Mokiyeenko, V. M. 1990. *Zagadki russkoy frazeologii*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Moskvin, V. P. 2007. *Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii*. Moskva: LKI. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. 1985. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

- Rakhimkulova, G. F. 2003. *Olakrez Nartsissa: proza Vladimira Nabokova v zerkale yazykovoy igry*. Rostov na Donu: Izdatel'tvo Rostovskogo universiteta. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. 2002. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry*. Moskva: Yazyki slavyan-skoy kultury. (In Russ.).
- Shanskiy, N. M. 1996. *Frazeologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Spetsialnaya literatura. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. 1977. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Vakurov, V. N. 1994. Frazeologicheskiy kalambur v sovremennoy publitsistike. *Russkaya rech'*, 6: 40—47. (In Russ.).
- Volkov, S. S. 1996. *Problemy frazeologicheskoy semantiki*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. 1983. *Yazykovaya igra*. In: *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. Moskva: Nauka; Flinta. (In Russ.).